

Глава 1

— Неужели ты в детстве мечтала спать по пять часов, торчать в жутком офисе с этими опасными кондиционерами, работать четырнадцать часов в сутки, а потом еще и выискивать в прокуренных барах... — тут Лера скривилась: сигарету она приравнивала к инцесту и, в общем, могла быть права, если бы не силиконовая грудь, силиконовые губы и такое количество ботокса в лице, что лошадь точно бы свалилась, не дожидаясь никотина, — мужчину на одну ночь? Это именно то, к чему ты шла всю жизнь?

Лера среди них была самой отпетой. Ее стиль — бесцеремонность. Типа — всю правду-матку в глаза. Она еще и выпячивала эту свою манеру, гордилась, а остальные клуши ее за это уважали — потому что уважать им друг дружку, кроме как за дурные манеры, было не за что.

— Вообще-то... да, — кивнула Алиса. — Я всегда об этом мечтала. Но, конечно, и мне бывает не по себе: говорят, в последнее время кондиционеры совсем разошлись — бросаются на людей. Уже есть жертвы.

Все уставились на нее.

— Ха-ха! — произнесла Лера.

Здоровая, как йеть, спортивная, в платье от «Кавальи» — это за городом в три часа дня! — закомплексованная лошадь! Жена банкира.

Она была похожа на одну из тех девиц, которых показывают по MTV в программах «Отрежь себе все, а потом пришей заново»: все искусственное, включая длинные, до попы, белокурые волосы и жутковатый кварцевый загар цвета молочного шоколада. Розовый блеск для губ. Тени с блестками. Васильковая подводка для глаз — причудливый выбор. Румяна, конечно.

Лера считала, что у нее плотное расписание: с утра отправляла детей с водителем в школу, поучала кухарку, отправлялась в спортзал, обедала с подругой (а может, с любовником) в городе, возвращалась домой, переодевалась, изучала журналы по интерьеру — муж купил дом в Сочи, и его следовало обставить так, чтобы попасть в журнал «Интерьер», принимала массажистку, отчитывала няню, переодевалась и ехала в город на презентацию какого-нибудь магазина. Ну просто Хиллари Клинтон.

И она первая заявила, что деловые женщины успешны в бизнесе потому, что ими движет страх — у них нет мужчины, нет защиты, нет уверенности в завтрашнем дне. Поэтому, мол, у них к сорока морщины на морде, целлюлит на животе и нервное истощение.

Алиса, которую легко было разозлить (к тому же она была единственной работающей женщиной на этом празднике жизни), отрезала, что неделовые женщины — то есть те, которые значение слова «работа» про-

веряют по словарю, профессиональные домохозяйки, имеют успех только на встречах одноклассников.

— Алиска! — завопила Наташа, именинница.

Когда Алиса приехала, Наташа переодевалась, а теперь вот объявилась в платье от «Эскада», последняя коллекция. С Наташей Алиса была знакома со школы, но тогда они не общались — Наташин папа работал в Газпроме, и она воротила от Алисы нос — за ней приезжал водитель, а Алиса на метро тащилась от Пушкинской в Тушино. Но когда Алиса стала главным редактором «Глянца», Наташа отловила ее на какой-то вечеринке и пригласила к себе — точнее, к своему мужу, в Жуковку. Муж тоже работал в Газпроме — он занял место Наташиного папы, и Алиса не сомневалась, что их дети — два мальчика в галстуках «бабочка» — уже читают журнал «Финансы» — такими они были благовоспитанными и серьезными.

— Что-то ты выглядишь уставшей! — забеспокоилась Наташа.

— Работа... — развела руками девица в жутком розовом мини. — Карьера — это не для женщин!

— Эй! Я все еще с вами! — одернула ее Алиса, сто раз пожалевшая, что ввязалась в эту сатанинскую оргию — день рождения рублевской домохозяйки.

Это был вражеский стан. Зачем она сюда приперлась — одному богу известно, но вот прямо сейчас у нее созрел отличный план.

Дело в том, что все, кого приглашала Наташа, были чьими-то женами. Даже одна известная актриса и певичка, платиновая блондинка с интеллектом кактуса — и та вышла замуж за миллионера, чтобы ничего, или

почти ничего, не делать — разве что помогать мужу тратить деньги. Одиноких женщин звали лишь тогда, когда эти одиночки были редакторами журналов, организаторами недель моды или дизайнерами одежды — даже звезд не приглашали, потому что знаем мы их — сначала получают деньги за корпоративные вечеринки, а потом решают: «А зачем такому богатому жена с пробегом?»

И эти жены к ней цеплялись.

Сначала они все сватали ей богатеньких женихов — и Алиса не отказывалась, но как только эта шайка просекла, что она отбилась от стада — то есть больше не желает быть такой пушистой кисой, пригревшейся на диване за сорок пять тысяч долларов, — все ее представители выпустили когти.

Они обратили внимание, что Алиса не умеет готовить. Что она не хочет жить за городом.

Что предпочитает «Дискэйрд» «Прадо».

Что она то и дело говорит по мобильному.

Она стала их врагом — то есть одной из тех свободных женщин, за которыми увиваются их ненаглядные мужья и которыми время от времени попрекают своих кисельных женушек. Она была Женщиной, Которая Делает Карьеру.

О, да! Этим «девушкам» было чем гордиться. Почти у всех имеется от двух до четырех детей. Каждая может запросто приготовить настоящий крем-брюле под дивной карамельной корочкой. Любая с лету перечислит (с адресами и мобильными телефонами) пять лучших в Москве мастеров по шторам. У каждой в запасе есть двадцать-тридцать советов на случай, если муж заведет молоденькую любовницу.

Кого угодно спроси, что было написано в январском выпуске журнала «Вог» за 2004 год, — выпалит наизусть. Это их жизнь. Жизнь обеспеченных домохозяек в идеальных домах, которые они создали «своими руками» — то есть с помощью всего лишь одного дизайнера и одного архитектора. Жизнь, в которой так много нарядов, что приходится задумываться о расширении гардеробной и переодеваться семь раз в день — прямо как идеальная степфордская жена.

Алиса, конечно, тоже обожала шопинг, но у нее не было времени покупать что-либо просто от скуки. Например, юбку от «Оскара де ля Рента» — на всякий случай, вдруг пригодится.

— Пойдемте за стол! — пригласила всех Наташа.

Увы, это был девичник. И не потому, что существуют некие запретные, но страшно увлекательные темы, которые неловко обсуждать при мужчинах. Нет. Просто дамы были рады избавиться от мужей, друзей-мужчин у них не было, а гомосексуалистов приглашать они не решились, ведь большинство рассекреченных педиков — из сферы обслуживания, а это плохой тон.

Сейчас начнется конкурс кулинарных талантов.

Тут было принято гордиться изысканными блюдами, приготовленными собственноручно, и Алиса, которая могла разве что хлеб красиво порезать, каждый раз веселилась, наблюдая за тем, как они гордятся, как переживают и мимоходом замечают, что рецепты какой-нибудь там Марты Стюарт — это попса, несмотря на то, что их подруга два дня вкалывала словно сумасшедшая, выпекая профитроли по книге Марты.

Вообще-то некого было винить, кроме себя, за то,

что ввязалась в эту авантюру — дружбу с Наташей Лопухиной, по мужу Сотниковой.

Алиса несколько лет делала вид, что она одна из них, потому что одинокому главному редактору женского журнала не составляло труда познакомиться с незатейливым манекенщиком, или закрутить роман с какой-нибудь поп-звездой, или рвануть на Мальдивы с отвязным модным режиссером... Но Алиса слишком хорошо помнила, каково это, когда тебя не замечают только потому, что ты носишь жуткие серые штаны, которые отдала тебе мама подруга, и куртку цвета детской неожиданности — с ключьями искусственного меха, который настолько искусственный, что от него бьет током... Все смотрели сквозь нее!

И больше всего на свете она хотела не чувств — потому что мальчишки почему-то любили девочек только в модных туфлях (так она считала), а мужчину, который сможет дать ей весь мир. В денежном эквиваленте.

Поэтому Наташа, которой льстило появление в светской хронике и очень нужны были приглашения на все замечательные вечеринки, куда звали главного редактора «Глянца» — надо же где-то носить юбки от «Оскара де ля Рента», в ответ открыла Алисе двери лучших домов — домов банкиров, владельцев заводов, нефтяников, газовщиков, политиков... В узком дружеском кругу легче было знакомиться с правильными мужчинами — не было ни моделей, которых не признавали ревнивые жены, ни красоток полусвета — вечно молодых содержанок (второй фронт), ни случайных охотниц за черными картами «Американ Экспресс» — были только свои.

После закусок подали морской язык в изумительном

соусе из меда, апельсинов и белого вина. И Алиса устояла — уж очень красиво это выглядело.

Но когда Наташа с едва сдерживаемым торжеством подала закрытый слоеный пирог с креветками, семгой, артишоками и еще какой-то фантастически сложной начинкой, Алиса рискнула отыграться. Наташа все уши прожужжала — мол, рецепт пирога она клещами вытянула из какого-то мишленовского повара, так что этот выход был ее триумфом.

Роскошные домохозяйки крепко поджали губы.

Пирог выглядел чудесно — нежная корочка, дивный запах...

Серебряной лопаткой Наташа разложила яство по тарелкам, дамы вооружились ножами и вилками, положили в идеально напomaженные рты первый кусок и... успокоились. Пирог был сухой, как солома. Его явно передержали в духовке. Ну, и артишоки недозрели. Не то чтобы все это было отчаянно невкусно, но явно не шедевр.

Наташа с трудом сдерживала слезы.

— Алиса! — воскликнула она, когда домработница убрала приборы. — Я слышала, что вы расстались с Димой?

— О, да, — подтвердила Алиса.

Дамочки оживились.

— Я видела Машу, — продолжала Наташа. — Я с ней, кстати, давно знакома. Мы вместе учились в Англии. Ты знаешь, кто у нее папа?

— В ее возрасте это уже не имеет значения, — парировала Алиса. — И мой ответ «да». Знаю.

— На помолвку он подарил ей черный «Бентли»! —

выдала Наташа, которой нужно было на ком-то отыгаться за пирог. — Маша дивная! Она все у него переделала — теперь у них все такое изысканное, бежевое...

— Бежевое?! — ужаснулась Алиса.

— Да, все в пастельных тонах...

— Какой кошмар! — Алиса отложила вилку и откинулась на спинку стула.

— Не расстраивайся! — подала голос Лера. — Он тебе не подходит! Они с Машей люди одного круга, так что...

Алиса почувствовала, что у нее руки холодеют. Нехороший признак. Ну ладно, к чему скромность...

— Спасибо, Лер! — со всей возможной душевностью произнесла она. — Ты ведь меня понимаешь лучше, чем кто-либо другой. Мало того что тебе изменяет муж, так еще и с девятнадцатилетней стриптизершей!

— Что?! — подскочила на стуле смуглая брюнетка в зеленом кашемировом джемпере.

Лера сидела с открытым ртом.

— Алиса! — воскликнула Наташа, у которой глаза заблестели. Лучшая подруга Лера, которую Наташа считала вульгарной и презирала за то, что ее мать работала швеей, а отец гаишником, опростоволосилась, и это на время отвлекло именинницу от сухого пирога.

Конечно, это конфуз, но, скажите, когда на девичниках у Наташи бывало весело? В этом и была соль — показать остальным, и даже не показать, а подчеркнуть, что ты лучше других. Но все-таки скандал быстро замяли — женщина со впалыми щеками и высокими скулами, которой, очевидно, казалось, что она смахивает на Мишель Пфайфер, громко заговорила о прошедшем аукционе Сотбис и о том, как они с мужем с превели-

ким трудом выторговали две картины Краснопевцева, которые пять лет назад шли по двести долларов, а сейчас они отдали за них семьсот тысяч.

Подали торт. Он был потрясающий! Алиса даже пожалела себя — от такого дивного шоколадного десерта с пралине и сочной шоколадно-коньячной пропиткой, в придачу с нежной крошкой из карамели, трудно было отказаться.

Но все-таки, когда Наташа, отрезав первый кусок, побледнела, Алиса решила, что страдает не зря. Очень уж приятно было смотреть на опрокинутое лицо этой надменной стервы!

Из торта вытекало тесто. Вместе с пралине и коньячной пропиткой.

Вскоре после этого торжественного мгновения Алиса уехала, оставив Наташу с телефонной трубкой — та в истерике заказывала пирожные в ресторане.

Хорошо все-таки, что она, Алиса, ведьма... Конечно, мелкие пакости — это глупость, не стоит до этого опускаться, но из таких вот пустячков и складывается жизнь — так, кажется, пишет любимый автор «Глянца» Вера Квливидзе?

Еще полгода назад Алиса бы сидела и унижалась, выслушивая бредятину, которую несли все эти Леры-Марины, а сейчас она походя испортила и пирог, и торт, и вообще дурацкую вечеринку! И репутацию Леры, которая строила из себя принцессу Диану! Идеальную жену с идеальной жизнью, у которой все под контролем! Ха-ха! Ха-ха-ха!

Конечно, все эти женщины по-своему хороши: у них идеальные задницы, в которых после липосакции нет

ни капли целлюлита, и они действительно разбираются в драгоценностях, а еще им можно посочувствовать, так как они тратят безумные деньги на внешность не потому, что хотят выглядеть хорошо, а потому, что истерически боятся молодых и хорошеньких секретарш — хотя кто сейчас спит с секретаршами?.. Но Алиса готова была признать себя бездушной и недалекой — сопереживать этим злыдням ей совершенно не хотелось.

Все дело в том, что, когда Алиса и банда домохозяек были заодно, она все равно не ощущала себя одной из них. И не потому, что у нее карьера. Просто все эти отношения с мужчинами, все эти ухищрения, сложные многоуровневые интриги, ведущие к покупке заветной шубки, — это было их жизнью, а Алисе всегда казалось, что она играет некую роль. Она не умела так искренне радоваться тому, что задержавшийся после работы на три дня муж приходит с сережками от «Тиффани», не умела давить на совесть, если у него любовница, и получать за это компенсацию в виде нового кольца от «Графф», да и мужа у нее ни разу не было — только любовники, с которыми она старалась побыстрее расстаться.

Проезжая мимо кондитерской, Алиса так резко затормозила, что водитель темно-зеленого «Мицубиси» пригрозил ей кулаком, кое-как припарковала машину и бросилась за шоколадным тортом. Ей нужна была поддержка.

Хоть какая-нибудь.

В последнее время она так уставала, что никак не могла выспаться.

Елена приходила во сне, и это было так тяжело, что Алиса уже проклинала мгновение, когда узнала, что она

ведьма. Сначала ей казалось, что учиться колдовству во сне будет легко — спишь и видишь сон, ничего страшного, но выяснилось, что твой собственный сон, в который проникает чужой, — то еще испытание для нервной системы. Утреннее состояние можно сравнить с тяжелым похмельем, когда всю ночь твой мозг создавал затейливых чудовищ, а очнувшись, ты некоторое время не можешь понять, были ли они на самом деле, или же это всего лишь результат воспаленной фантазии.

Алиса притащила домой самый шоколадный торт на свете, отрезала большой кусок, сочившийся ромом, налила в кружку сладкий чай с лимоном, поставила умиротворяющие «Дневники принцессы», с вожделением отправила в рот первую ложку десерта и с ужасом поняла, что опять она ничего не хочет!

Аппетит пропал. Из-за этого бесчеловечного недосыпания она была сама не своя — точно была уверена лишь в том, что хочет курить и пить, — жажда мучила все время. Алиса с грохотом поставила тарелку на стол, положила голову на колени, сосредоточилась и зарыдала.

Она так больше не может! Не хочет! Не будет!

Ее тянуло за город — на воздух, к природе, но это она уже проходила — уезжала на дачу в блаженной уверенности, что, надышавшись землей, заснет как младенец, но кошмар повторялся — она просыпалась с квадратной головой, злая, несчастная и уставшая.

А с утра на работу!

Работа, кстати, надоела ей смертельно. Мало того что выспаться невозможно, так еще и все, что она там делала — в своем самом успешном женском журнале, представлялось ей несусветной глупостью.

Вчера, например, она час таращилась в текст о «мужском взгляде на секс». Кто это читает? Зачем это надо, если они придумали данную тему только потому, что ничего лучшего в голову не пришло, а журналист написал статью только ради того, чтобы заработать лишние пять-семь тысяч рублей? Без огонька, без души, без личного...

Все это было ловушкой, однако Алиса застряла и не знала, как выбраться.

Спать идти не хотелось, но если она сейчас не ляжет в кровать, не примет снотворное и не пройдет через этот Ад, то завтра вообще не выйдет из квартиры — сил и так уже нет, несмотря на колдовские отвары и на витамины из аптеки.

Она еще немного поплакала и поплелась в спальню.

Почему Марик уехал в этот дурацкий Воронеж? Зачем ему встречаться с читателями?

Из-за мыслей о нем Алиса окончательно разволновалась, откинула одеяло и отправилась за сигаретами. Не пойдет она завтра на работу. У нее... воспаление среднего уха! Гастрит! Она отравилась! Пошли все...

Вернувшись с прикуренной сигаретой и пепельницей, Алиса отодвинула штору, чтобы впустить лунный свет, и уставилась в выключенный телевизор.

Марик был первым мужчиной, с которым она могла спать в одной кровати — и ее это не убивало. Мало того — под одним одеялом. В обнимку!

С остальными ей всегда было тесно, душно, неудобно, а с ним — тепло. Конечно, это ничего не значит, и, вообще, у них пока просто секс, тем более, что все эти придурочные поклонницы заваливают его истерически-

ми посланиями: «Ты лучший! Я тебя обожаю!», и, вообще, он самый красивый автор детективов... Но ей с ним легко. Никаких ролевых игр, никакого притворства — ей от него ничего не нужно, ему от нее ничего не нужно — кроме секса, конечно, и им весело, по-настоящему весело вместе, но, главное, и в этом трудно и странно самой себе признаться, она чувствует: он — ее мужчина.

С другими, даже очень богатыми, и влиятельными, и еще более знаменитыми, она всегда была сама по себе — сильная и независимая женщина Алиса Трейман. И ни на какую их поддержку она не рассчитывала. Конечно, Алиса получала подарки, и за нее всегда платили, но это была как бы ее заслуга, ее игра, и она втайне немножечко презирала любовников, которые с такой охотой принимали ее правила, прогибались, и ни разу не то чтобы не ощущала, а даже и не представляла, что это такое — мужское начало, которое ни к деньгам, ни к власти, ни к положению в обществе не имеет ни малейшего отношения.

А с ним она почему-то была Женщиной. Хрупкой. Капризной. Нежной. При всем своем глянцево-журналистском опыте Алиса не могла ничего объяснить — это можно было только прочувствовать и принять, и потому их связь была еще крепче, страсти — жарче, а ночи — длиннее. И потому ей так не хватало его сейчас — когда ей плохо, и она ощущала пустоту на той стороне кровати, где он обычно сворачивался калачиком, запутывал ногами одеяло и прижимал к груди подушку.

Алиса затушила сигарету, поменяла свою подушку на его и заснула, вдыхая запах его шампуня и духов.

Глава 2

Алиса уже второй час смотрела в экран компьютера, но никак не могла сосредоточиться: абзац, из которого следовало, что «Оксана Акиньшина — самая загадочная актриса будущего поколения, супер-звезд русского кино, которой грозит слава непредсказуемой Элизабет Тейлор», казалось, был написан на китайском.

Весь прикол в том, что она, Алиса, ненавидит свою работу. ОК, она ведьма — пусть и выжатая как лимон ведьма с головной болью, и она может внушить всему совету директоров, а также всем сотрудникам — вместе и по отдельности, что с завтрашнего дня они должны публиковать резкие, революционные тексты, фотографии обнаженных мужчин, и вообще журнал должен стать таким кентавром — внизу «Эсквайр», сверху «Плейгерл»... Но миллион подписчиков, три миллиона читателей — их всех не уговоришь... Раз уж девочки хотят из номера в номер видеть слюнявые тексты о том, как правильно организовать День святого Валентина и сколько способов самоубийства существует — на случай, если твой парень вспомнил об этом Валентине вечером пятнадцатого, то тут уж ничего не поделаешь. Но, черт побери, как же надоел этот искусственный мир, в котором существовали «двадцать вариантов, почему он не позвонил на следующий день», — и все фальшивые, высосанные из пальца... Девочки вместе с «Глянцем» открывали для себя мир иллюзий, мир, в котором ты видишь лишь то, что хочешь увидеть, в котором не существует реальных проблем — такой девичий Диснейленд со сказочными героями и героинями. Журнал про-

давал мечту, но всем хотелось верить, что это и есть настоящая жизнь.

Алиса закрыла файл и откинулась в кресле. Надо переползти на диван и поспать немного — иначе она уснет за рулем или в лифте.

Так всегда и бывает — только ты закрываешь глаза, звонит телефон.

Алиса сделала вид, что не слышит, но в ее телефоне была такая фишка — каждая новая трель звучит все громче, поэтому через минуту трубка орала так, что слышно было, наверное, даже у конкурентов в «Космо».

Алиса яростно вытряхнула сумку на диван, схватила телефон и рявкнула:

— Да!!!

— Можно Славу? — произнес мужской голос.

— Что?!!

— Извините, я ошибся.

— Марик, прости, я спала! — Алиса плюхнулась на диван и с трудом сдержала проклятия, конечно, она рухнула прямо в кучу косметики, записных книжек и на всякие там угловатые кошельки-ключницы, которые только что вывалила на сиденье.

— Прогуляла? — поинтересовался Марк.

— Неа... А-аа... — она зевнула. — Сплю на работе. Во всех смыслах.

— Чем вчера занималась?

— Как обычно. Бурная вечеринка с абсентом и наркотиками, сексуальные оргии, зажимы на сосках... — пробормотала Алиса.

— А я совратил дочку министра, и теперь мне придется жениться, потому что она беременна, — париро-

вал Марк. — Так что я сегодня заеду — заберу свои стринги и воск для эпиляции.

— Слушай, ты когда-нибудь брил грудь? — ни к селу ни к городу брякнула Алиса.

— Чью?

— Свою!

— У меня на груди волосы не растут, — опечалился Марк.

— Действительно. За это я тебя и люблю.

— А женщины разве не любят волосатых мужиков? — заинтересовался он.

— Некоторые, может, и любят, но меня не очень возбуждает, если во рту застревают кудри, и потом все эти волосья царапают мою нежную кожу, намазанную дорогими кремами! — фыркнула Алиса.

— Ну да, ну да... — согласился Марик. — В общем, ты не против, если я вечером приеду?

— А разврат будет?

— Еще бы!

Они еще немного поболтали, и Алиса ожила. Это что, любовь?

Нет! Не любовь... Но вполне возможно, что она влюблена — и всерьез, а влюбленность еще лучше, потому что когда любовь — это и в горе и в радости, и в болезни и в здравии, это уже долг, быт, компромисс, а пока что лишь фейерверк чувств, эйфория и сплошное удовольствие.

Алиса отредактировала текст, практически не понимая, о чем он, — замечала лишь стилистические погрешности и правила корявые фразы, а потом отправилась

обедать, пообещав себе выпить белого вина или коктейль.

Пока она наслаждалась суши — в столовку не пошла, надоело — и запивала их легким сливовым вином, телефон запел песню из «Семейки Адамс». Звонила Лиля.

— Алиса! — строго начала двоюродная бабушка. — Ты помнишь, что у меня сегодня фуршет?

— Не помню, потому что ты мне ничего не говорила, — быстро отбилась Алиса, которая, действительно, ничего такого не помнила.

Лиля помолчала, словно размышляла — вступать ли в драку, но, видимо, решила не тратить время на пререкания:

— В девять, у меня, — сообщила она. — Надень коктейльное платье.

— То есть это какой-то парадный, торжественный случай? — хмыкнула Алиса.

— Деточка, ты ведь ведьма, так что у тебя теперь все случаи — особенные, — менторским тоном заметила Лиля и отключилась.

Алиса развела руками. Она теперь ведьма... Сколько раз она уже это слышала?! Марьяна и Фая талдычат: «Ты теперь ведьма — ох, как круто!». Елена во сне то и дело поучает: «Ты теперь ведьма, так что не жалуйся!». Лиля вечно ноет: «Ты теперь ведьма! Настоящая ведьма так себя не ведет, не ест, не пьет, не дышит, не одевается!». Р-рр!.. Надоело!

Все эти мысли испортили десерт, и она даже чуть не врезалась по дороге в офис в какую-то нервную «Газель» и с таким выражением лица прошла через редак-

цию в кабинет, что девицы замолкли и даже выключили радио.

Она не понимает, что делать с этим «ты теперь ведьма», потому что старая жизнь ее уже не устраивает, а как начать новую, никто почему-то не посоветовал!

Алиса вовремя поймала себя на том, что ей опять хочется кого-то убить, налила мятного чаю с чабрецом и мелиссой — для успокоения нервов и зарубила материал о сумках.

— Послушай, я вчера была в трех магазинах из пяти, где ты брала сумки, и смело могу сказать: то, что ты выбрала — самый отстойный отстой! — рывкнула она на ассистентку отдела моды. — Зачем нашим читательницам любоваться на сумки, которые в среднем стоят столько, сколько они получают за год, если эти сумки выглядят как те, что продаются на рынке? Почему вообще ты решила, что темно-коричневая сумка с никаким боковым карманом да еще и на молнии — это правильно? Ты же была в «Гесс», должна была видеть огромную блестящую красную сумку с пряжкой, красоты неопишущей?! А светло-коричневую со здоровенным латунным замком, которая стоит на самом видном месте — будто нарочно для близоруких?

Ассистентка что-то мямлила, но Алиса все равно отослала ее переделывать съемку — в вопросах моды она была безжалостна. Глядя в спину ассистентки, одетой в коричневые клетчатые брюки и голубой свитер, Алиса сорвалась — сгребла в свою «Келли» баракло с дивана, запихнула в карман плаща телефон и вырвалась из офиса. Права была Лера — кондиционеры смертель-

но опасны для жизни: воздух вторичной переработки подавляет гормоны счастья.

На улице прохожих дразнила весна — было сухо, но прохладно, и почки еще не распустились, но уже все трепетало в ожидании тепла.

Алиса села в машину, настезь открыла окна и поехала куда глаза глядят — ей не хотелось ни о чем думать, не хотелось планировать и решать, куда податься, ей вот прямо сейчас хотелось просто жить, и она даже краем сознания поняла и Наташу, и подружку ее Леру, которые, наверное, в то время, когда они не проверяли по мобильной связи местонахождение их благоверных или не обсуждали какую-нибудь там Ляльку, от которой муж ушел, но она отобрала у него дом и счет в «Дойче Банке», — возможно, в эти мгновения были счастливы. Потому что их головы не занимали никакие сложные вопросы (кроме разве что дилеммы — броситься в «Вичини» за босоножками из новой коллекции или пожить-ся на распродаже в «Патрисии Пепе»).

Алиса ехала, машинально притормаживая на светофорах, и мечтала, как хорошо было бы просыпаться в полдень, валяться в кровати с чашкой кофе — и непременно в загородном доме, чтобы тишина и покой, а потом выходить на балкон и произносить какую-нибудь глупость вроде «Здравствуй, мир!», спускаться и завтракать — белым хлебом домашнего приготовления с черной икрой и салатом из креветок, гулять — много и долго, погружаться в какие-нибудь смешные девичьи фантазии, где роль Марка Дарси исполняет Леонардо ди Каприо, возвращаться, принимать бодрящую ванну с ароматическими маслами, а потом можно и отправить-

ся в город — посмотреть кино, закупить всякой чепухи в «Лаш», заехать в гости к подруге и вернуться домой, чтобы провести вечер за чашкой чая и интересной книгой...

Вместо того чтобы вернуться на работу, Алиса позволила и наврала секретарше, что у нее воспалилась десна и ей срочно нужно к стоматологу, приехала домой, вынула из холодильника вчерашнюю «Прагу» и съела половину, уставившись в «Дневники принцессы» — первая и вторая серии.

В восемь вспомнила о вечеринке и собралась без всякого вдохновения — надела платье от «Персонаж», которое купила позавчера, кое-как накрасилась, расчесала волосы и с мрачной физиономией спустилась вниз.

Лиля жила в Староконюшенном, в трехкомнатной квартире, переделанной из пятикомнатной. Наверху, на чердаке, правда, были еще три помещения — гостевая спальня, прачечная и гардеробная.

И если бы не домработница Лили, которая встретила ее в дверях, Алиса бы решила, что ошиблась адресом: квартира преобразилась. Видимо, здесь хорошо потрудились флорист — повсюду громоздились букеты с красными (всех оттенков) розами, появилась какая-то особенная подсветка, горели толстые, как дуб у лукоморья, свечи, пахшие мятой и апельсином, а на диваны и кресла были натянули бархатные темно-зеленые чехлы. Кажалось, гостиная превратилась в ресторан — все было шикарное, но чужое.

— Ух ты... — прошептала Алиса на ухо двоюродной бабушке, которая вышла ее встречать. — Ну ты даешь!

Лиля, которая не любила жаргон, предпочла, чтобы

Алиса выразилась более внятно: «Дорогая Лиля, ты превратила комнату в парадный зал, все так изысканно, с таким вкусом и вниманием к деталям!», закатила глаза, но не стала отвлекаться на поучения, лишь распахнула объятия и дважды поцеловала воздух — как всегда, яркая помада...

Лилия, надо сказать, выглядела роскошно — в красном платье от «Валентино», в серебряных туфельках и с шикарным белым норковым палантином — вечная классика. Остальные дамы тоже отличились — меха, драгоценности, прически, шпильки... Очень много шляпок, жемчуга и «Шанель». Алиса порадовалась, что надела все-таки шелковое платье от «Персонаж», а не трикотажное, как собиралась. Простое, в стиле шестидесятых — с широкой юбкой и высокой талией — оно было вечерним.

Да уж, это самый настоящий прием, а не вечеринка в пижамах...

Это значит, что и ей придется устраивать вот такие вечеринки? И держаться как на приеме в посольстве?

Лилия уже тащила ее в зал и знакомила — с дамой в шиншиловой горжетке, с дамой в пышном черном платье, с дамой в платье-футляре, с дамой в винтажном наряде от «Ланвен»...

И все они были гламурные, но какие-то правильные, слишком уж великосветские, хоть и с чертовщинкой, но только Алиса собралась заскучать и начать считать минуты до конца банкета, как две дамы в нарядах — одна из серебристой парчи слева и вторая из малиновой тафты справа, — расступились и она увидела Ее. Свою ро-

весницу. Девушку в странном наряде. Которой тоже было скучно.

— А! — воскликнула Лиля. — Лиза! Я рада, что ты пришла, — враждебно добавила она.

Алиса списала теткино недовольство на платье Лизы: юбку в рюшах пронзительно-розового цвета, черную водолазку с серебряной вышивкой «Любовь — это боль» во всю грудь, черные блестящие лосины и широченный замшевый пояс в заклепках. Ну, и такие военные боты — только на каблуке.

Объективно Лизу нельзя было назвать красавицей. Было в ее лице что-то порочное, признаки вырождения, что ли, но при этом от нее трудно было оторвать взгляд. Высокие скулы, широкая челюсть, немного более мясистые, чем нужно, черты лица. Нос прямой, глаза огромные, губы пухлые, как у Анджелины Джоли, но гладкие. Длинные ресницы, взгляд с поволокой, здоровый румянец. Длинные, ниже лопаток, блестящие, прямые коричневые волосы.

— Ты нас не представишь? — поинтересовалась Алиса.

Лиля, нимало не смутившись, повернулась к ней, закатила глаза, после чего махнула рукой — царственный такой жест получился:

— Это Лиза. А это моя внучка Алиса.

— Привет! — сказала Лиза.

— Привет, — ответила Алиса.

Прибыли новые гости, Лиля умчалась в прихожую, а Алиса глупо смотрела на Лизу и улыбалась. Не знала, как начать разговор.

— Не обращай внимания, — усмехнулась Лиза. — Твоя бабушка в свое время не поделила с моей сферы

влияния. Ты ведь знаешь, что ведьмы злопамятны? Проклятия до седьмого колена?

— Ну... — Алиса замялась. — Ты только не подумай... Просто... Если она так к тебе относится, то как ты здесь очутилась?

Лиза пожала плечами и подняла бровь.

— Лично я перед ней ни в чем не провинилась. А привела меня Майя, — Лиза кивком указала на женщину лет пятидесяти в платье от «Вивьен Вествуд», от кутюр. — На таких приемах надо появляться время от времени — чтобы напомнить о себе. Хотя лично я собираюсь удрать.

Алиса улыбнулась. Ей тоже хотелось бы удрать.

— Ладно, давай без кокетства, — вдруг заявила Лиза. — Я все о тебе знаю. Ты у нас просто сенсация.

Алиса выпучила глаза.

— Ведьма, от которой скрывали, что она — ведьма. Ведьма, уделавшая Римму. Ведьма, вызвавшая Елену. Дорогая, да все только о тебе и говорят!

— Жаль, что здесь не принято брать автографы, — вздохнула Алиса. — Мне бы это польстило.

Лиза запрокинула голову и расхохоталась.

— Ладно, я, возможно, попрошу у тебя автограф, но за это ты сядешь со мной в углу и примешь живое участие в обсуждении всех этих старых куриц! — прошептала она заговорщицки.

Алису немного смутило, что вот так легко все старания ее двоюродной бабушки свелись на нет, но в глубине души она была согласна с Лизой.

Атмосфера была принужденной, общество — скуч-

ным, а чрезмерно шикарные дамы средних лет выглядели несколько карикатурно.

— Они снобы. Живут прошлым. Магия — шмагия... — Лиза всплеснула руками. — Традиции! Гадания, зелья, астрология, любовь-морковь... — Она фыркнула. — Зачем помогать другим, если можешь помочь сама себе?

— Ты о чем? — нахмурилась Алиса.

Но к ним уже присоединилась Майя, которая ахала и охала, осматривая Алису, и продолжения от Лизы не последовало.

После ужина они распрощались с Лилей и отправились в «Монкафе», где Лизу прельщал полумрак, а Алису — ее любимый крем-брюле. Пусть не лучший в городе, но все еще очень вкусный.

— Зачем прогнозировать для какого-нибудь бизнесмена удачную сделку, если сама можешь ее заключить, а? — наклонилась к ней Лиза. — Все современные ведьмы занимаются бизнесом — это и независимость, и совсем другие капиталы. Ты что, будешь торчать в каком-нибудь офисе, обитом фиолетовым шелком, и принимать клиентов по двести долларов в час? Или, может, ты хочешь работать в этом своем «Блеске»... «Глянце» и выплясывать под дудку начальства? Ты ведьма вообще или кто?

От третьей порции рома с колой Алиса раздухарилась и готова была прямо сейчас писать заявление об увольнении, но все-таки здравый смысл победил, и она спросила:

— А чем тебе не нравится моя работа?

— Дорогая... — Лиза откинулась на стуле и тряхнула

волосами. — А чем тебе нравится твоя работа? Ты па-
шешь от звонка до звонка, тебя контролируют, ты руко-
водишь группой легкомысленных и по большей части
бездарных сотрудников, ты пресмыкаешься перед ауди-
торией, и тебе платят зарплату!

— Последнее скорее хорошо, чем плохо. Если бы я
делала все вышеперечисленное бесплатно, это было бы
совсем грустно, — сухо ответила Алиса.

— Не обижайся! — Лиза положила ладонь на ее ру-
ку. — Для обычной женщины это блестящая карьера...
Но ты же ведьма! Ты не можешь получать зарплату — в
худшем случае ты должна сама ее платить. Ты должна
быть свободна, а у тебя вид кролика, обреченного стать
рагу. Свобода, милая, это то, что дает нам наш дар — мы
вне общества, но нам все завидуют, нами восхищаются.
Даже у твоей Лили есть свой магазин — один из лучших
в Европе, а ты батрачишь на дядю. У тебя вид измучен-
ного жизнью человека, и ты еще раздуваешь ноздри от
возмущения!

— Ничего я не... — но Алиса споткнулась, так как
поняла, что Лиза права.

И она ведь не желает ей зла. Если уж на то пошло, то
Лиза — первый человек, который сообщил ей что-то ра-
зумное.

— И что мне делать? — воскликнула Алиса. — Бро-
сить работу? У меня всех сбережений — тысяч пятна-
дцать от силы, я все трачу на сумки и заколки!

Лиза расхохоталась.

— Теперь ты видишь, что так жить нельзя?! — спро-
сила она. — Ты главный редактор и получаешь ровно
столько, чтобы выглядеть главным редактором. Все

